

М. Я. Блох, Ю. М. Сергеева

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ
В СТРУКТУРЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Москва
2011

**Юлия Михайловна Сергеева
Марк Яковлевич Блох
Внутренняя речь в структуре
художественного текста**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9543995

М. Я. Блох Ю. М. Сергеева. Внутренняя речь в структуре художественного текста. Монография:

МПГУ; Москва; 2011

ISBN 978-5-4263-0024-8

Аннотация

В монографии представлен анализ внутренней речи как особой формы языкового общения и вместе с тем как мощного художественного средства раскрытия личности литературного героя. Рассматриваются формы существования внутренней речи, ее функции в жизнедеятельности личности, способы изображения в художественном тексте и основные конститутивные признаки.

Монография предназначена для широкого круга лингвистов-теоретиков, преподавателей филологических дисциплин и студентов лингвистических вузов, а также для широкого круга читателей, интересующихся духовной жизнью человека.

Содержание

Введение	5
Глава 1	8
1.1. Понятие интраперсонального общения	8
1.2. Внутренняя речь как материальная основа интраперсонального общения	11
1.3. Основные формы интраперсонального общения	17
1.3.1. Простое внутреннее реплицирование	17
1.3.2. Внутренний монолог	23
1.3.3. Внутренний диалог	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

М. Я. Блох, Ю. М. Сергеева
Внутренняя речь в структуре
художественного текста. Монография

Рецензенты:

Л. А. Нефедова, доктор филологических наук, профессор;

В. В. Ощепкова, доктор филологических наук, профессор.

© М. Я. Блох, Ю. М. Сергеева, 2011

© МПГУ, 2011

© Оформление. Издательство «Прометей», 2011

Введение

В настоящее время во многих отраслях научного знания наблюдается тенденция к гуманизации, которая, в частности, проявляется в усилении интереса к проблеме индивидуально-личностного начала исследуемых явлений. Особенно важным понятие личности является для науки о языке, в которой оно уточняется как понятие языковой личности (*Homo loquens*), т. е. индивидуума, осуществляющего речевую деятельность. Современный подход к изучению языковой личности подразумевает ее расслоение на «Я» как субъект речи и «Я» как внутреннее его, контролируемое самим субъектом. Личность понимается как совокупность отношений человека к самому себе как некоему другому – отношений «Я» к «не-Я». Это определение, отражающее сложность духовного мира человека, имеет глубокую диалектическую природу: оно предполагает одновременно и расслоение личности на двух или более «частичных субъектов» (ипостасей) и ее целостность. В отношении структуры личности понятие «ипостась» указывает на возможность различия ее составляющих при сохранении их единой сущности, фиксируя тем самым единство личности и субстанциальности.

Взаимодействие различных ипостасей личности в пределах ее сознания составляет суть **интраперсонального общения**, в процессе которого один из партнеров общения (адресат) не существует непосредственно в данной ситуации, а объективируется в сознании другого индивидуума (адресанта). Интраперсональное общение индивидуума реализует различия или взаимные тяготения чувств и разума, сознательного и бессознательного, различных эмоций амбивалентной структуры, различных интеллектуальных позиций в его сознании.

При этом следует подчеркнуть, что интраперсональное и межличностное (интерперсональное) общение суть два неотделимых друг от друга проявления единого процесса языковой коммуникации. Эти процессы развиваются по одним законам и могут быть описаны одинаковыми лингвистическими категориями: направленность коммуникативного акта, цель высказывания, структура коммуникативного акта, психологический фон коммуникативного акта. Их генетическая однородность подтверждается и тем, что интраперсональное общение существует в тех же формах, что и межличностное общение. Три формы интраперсонального общения – внутренний диалог, внутренний монолог, простое внутреннее реплицирование – образуют в совокупности непрерывный процесс аутокоммуникации личности, осуществляемый посредством **внутренней речи**. Каждая из форм интраперсонального общения имеет свои структурные и семантические особенности, которые находят отражение в выполняемых ими функциях в жизнедеятельности индивидуума.

Внутренняя речь есть средство (канал и код) интраперсонального общения, осуществляющее материальное опосредование идеального процесса внутренней коммуникации. Помимо этого, внутренняя речь есть, во-первых, средство осуществления мыслительного процесса индивидуума; во-вторых, средство регуляции его психических процессов. Понятие внутренней речи объединяет все многообразие речевых процессов, возникающих в сознании индивидуума и не адресованных реальному собеседнику. Имеются в виду все проявления внутренней речи, образующие процесс интраперсонального общения индивидуума: и произносимые вслух, развернутые фрагменты речи, предназначенные однако только для себя; и речь, произносимая про себя; и речь, существующая на уровне обычных слуховых представлений, почти лишенная словесной оболочки (так называемая «чистая мысль»); и речь, представляемая на уровне эйдетических образов со всеми особенностями звучащего голоса; и (в особых случаях) слуховые галлюцинации. Все эти речевые действия являются различными формами реализации одного и того же процесса внутренней коммуникации, о чем свидетельствует их функциональное единство и многообразие взаимосвязей.

Внутренняя речь как психолингвальный феномен практически не поддается воспроизведению. Поэтому три основные формы интраперсонального общения индивидуума, а также их взаимоотношения с соответствующими формами межличностного общения рассматриваются нами на материале художественных текстов.

Переходя из сферы психолингвистики в сферу художественной литературы, внутренняя речь подвергается условной вербализации и воплощается в *изображенную внутреннюю речь*.

Изображенная внутренняя речь представляет собой более или менее обширные фрагменты мысленной или озвученной речи персонажа в процессе аутокоммуникации, формально и/или семантически выделенные в тексте авторского повествования. В художественных текстах изображенная внутренняя речь имеет сложные и развернутые формы – от «кратковременных вкраплений» до обширных отрывков текста в пределах от абзаца до нескольких страниц.

Рассматривая внутреннюю речь как единицу структуры художественного текста, мы прежде всего анализируем частотность ее употребления в композиционно-речевых формах, которые мы в дальнейшем, опираясь на диктемную теорию текста [32], будем называть «диктема-повествование», «диктема-описание» и «диктема-рассуждение». И хотя распределение внутренней речи по трем типам диктем неравномерно, принципиальная возможность ее использования в каждой композиционно-речевой форме не подвергается сомнению.

В художественном тексте внутренняя речь может принадлежать персонажу-актанту, персонажу-рассказчику и автору-рассказчику. В первом случае повествование ведется от третьего лица (объективированное повествование); во втором случае – от первого лица (субъективированное повествование). Третий случай встречается довольно редко, но все же дает нам возможность говорить о наличии в художественном тексте внутренней речи не только персонажа, но и автора-рассказчика.

В художественном произведении внутренняя речь может передаваться несколькими способами: в форме прямой речи героя (персонажа или автора-рассказчика), в форме косвенной речи, в форме авторского повествования и в форме несобственно-прямой речи. Каждый из четырех способов изображения внутренней речи имеет свои типические характеристики в плане структуры, семантики и стилистического функционирования в художественном тексте. Следует отметить, что сфера применения конструкций с прямой и косвенной речью не ограничивается лишь языком художественной литературы. Эти конструкции представляют собой способы передачи высказывания в процессе естественной коммуникации индивидуумов, способы передачи чужой (реже своей) речи в широком смысле слова. Несобственно-прямая речь является особым художественным приемом и существует лишь в ткани литературного произведения.

Рассматривая внутренний диалог, внутренний монолог и простое внутреннее реплицирование как фрагменты художественного текста, мы подвергаем анализу их морфологические признаки, лексические особенности и основные характеристики синтаксической структуры. Кроме того, изображенная внутренняя речь рассматривается нами как стилистический прием, вводимый автором с целью создания определенного эмотивного и смыслового эффекта в художественном произведении. Исследование ведется на материале англоязычных художественных произведений, принадлежащих разным историческим эпохам и литературным направлениям. Изображенная внутренняя речь используется в них, прежде всего, как средство самоанализа и самораскрытия персонажа, как средство отражения его социальных и нравственных исканий, динамики его чувств, волевой сферы личности. Характеризуя общую и языковую культуру персонажа, внутренняя речь передает окружающую реальность вместе с исторической, региональной, политической атмосферой через призму его сознания. Монография предназначена для широкого круга лингвистов-теоретиков, препода-

вателей филологических дисциплин и студентов лингвистических вузов. Авторы выражают надежду, что публикуемый труд послужит стимулом для дальнейшего исследования внутренней речи как собственно языкового феномена и как стилистического приема, получившего широкое распространение в классической и современной художественной литературе.

Авторы

Глава 1

Интраперсональное общение и внутренняя речь как средство его реализации

1.1. Понятие интраперсонального общения

Настоящий этап развития лингвистики характеризуется такими чертами как экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и экспланаторность [88, с. 207]. В связи с этим лингвистика приобрела новую динамику развития, «общий вектор» которого направлен в сторону расширения границ лингвистических исследований и смещения акцентов на человеческий фактор в языке. Активные процессы интеграции, происходящие в современной науке, ведут к объединению естественных и гуманитарных знаний, к созданию не только новых научных направлений, но и целых отраслей научного знания. Язык при этом изучается в аспекте человеческой деятельности, традиционные объекты лингвистического исследования рассматриваются с точки зрения их значимости для человека, и уже можно говорить о зарождении *антропологической лингвистики* как интегральной науки, изучающей «человека в языке» во всех его проявлениях.

Данные тенденции в развитии лингвистики и смежных с ней наук привели к необходимости пересмотра многих языковых явлений с учетом комплексного подхода к выявлению их сущности. Такой подход позволяет по-новому взглянуть и на проблемы речевого общения (вербальной коммуникации), традиционно занимающие одно из центральных мест в сфере общелингвистических исследований.

Следует отметить, что некоторые авторы выступают за различение терминов «коммуникация» и «общение». В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения, согласно которой коммуникация и общение суть разные наименования одного и того же процесса и различие между ними состоит лишь в том, что понятие «коммуникация» семантически более узкое, чем понятие «общение». Общение не есть только передача информации, наоборот, передача информации (т. е. коммуникация) – лишь повод для общения. Общение – экзистенциальная сущность человека, «речевой способ человеческой жизни» [115, с. 64]. Учитывая тот факт, что при анализе общения как особого вида деятельности принято различать три его стороны – перцептивную, интерактивную и коммуникативную, можно сделать вывод о том, что коммуникация выступает лишь как *одна* из сторон человеческого общения.

Понятие «общение» входит в терминологический аппарат многих наук, при этом исследуются различные аспекты этого феномена. Лингвисты рассматривают общение как актуализацию коммуникативной функции языка в разнообразных речевых ситуациях. Культурологи – как диалог культур, причем не только по оси настоящего времени, но и по оси «прошлое – будущее». Психологи – как процесс установления и развития контактов между людьми в процессе совместной деятельности. Социологи и философы определяют общение как социальный процесс, посредством которого общество влияет на индивидуума, а коммуникация есть смысловой аспект этого социального взаимодействия.

Анализируя многочисленные определения феномена общения, созданные в течение многих десятилетий его изучения, можно легко выделить то общее, что признается практически всеми авторами: общение – это совместная деятельность особого вида. Специфика общения среди других видов совместной деятельности определяется спецификой *предмета и орудия* этой деятельности. По мнению К. Менга, предмет речевого общения есть отношения между определенными процессами мышления участников общения. Орудием коммуни-

кации он считает различные знаки, прежде всего знаки естественного языка, т. е. только с их помощью возможно воздействие на мыслительные процессы партнеров [108, с. 14]. Г. М. Кучинский также отмечает использование в качестве средства общения системы знаков, организованных, упорядоченных в виде высказываний [93, с. 38].

Следует отметить, что в качестве средств общения могут использоваться несколько знаковых систем. Прежде всего, различают вербальную коммуникацию (речевое общение), когда в качестве знаковой системы используется язык, и невербальную коммуникацию, когда используются различные неязыковые знаковые системы: оптико-кинетические (жесты, мимика, пантомима), пространственно-временные (дистанция, время, место). Языковые средства общения могут быть дополнены паралингвальными (тембр голоса, его диапазон, тональность) и экстралингвальными (паузы, темп речи, смех, плач и пр.).

Речь является самым универсальным способом общения, поскольку при передаче информации посредством речи смысл сообщения сохраняется лучше всего. Однако для этого и человек, отправляющий информацию (коммуникатор, т. е. говорящий, пишущий), и человек, принимающий ее (реципиент, т. е. слушающий, читающий), должны обладать единой (или, по крайней мере, сходной) системой кодификации и декодификации, т. е. говорить на одном языке. Только принятие единой системы значений тезауруса обеспечивает возможность партнеров понимать друг друга. Но даже в этом случае отдельные высказывания могут пониматься участниками коммуникации неоднозначно по причине их социальных, возрастных, индивидуальных особенностей. Л. С. Выготский писал по этому поводу, что «мысль никогда не равна прямому значению слов» [52, с. 17]. Поэтому для эффективного процесса общения его участники должны иметь одинаковое понимание ситуации общения, что возможно лишь при включении их в совместную деятельность.

Таким образом, взаимная упорядоченность, взаимообусловленность, согласованность должны быть присущи любым формам общения как взаимодействия. Различие же между ними определяется качественным своеобразием *сторон, участвующих в этом процессе*. В непосредственном межличностном общении этими сторонами являются конкретные индивидуумы. Их общение – презентация внутреннего мира другому субъекту, обмен мыслями, идеями, образами, влияние на цели и потребности, оценки и эмоциональное состояние другого человека.

Однако философское понимание общения предполагает, что оно является не только межличностной связью, но и взаимодействием любых модификаций субъекта. Поскольку человеческая активность может иметь субъективный характер на трех доступных для нее уровнях – микро-, макро- и мега-уровне, т. е. внутри психики индивидуума, во взаимодействии разных индивидуумов и во взаимоотношениях различных социальных групп и созданных ими культур, постольку и общение разворачивается на этих уровнях не только как межличностные связи, но и как взаимодействия, с одной стороны, семей, отрядов, команд, партий, классов, наций, социальных систем и их культур, а с другой стороны – различных ипостасей личности в пределах ее сознания [74, с. 186]. Сходной точки зрения придерживается И. Б. Чубайс, создавая классификацию видов общения на основе количественных характеристик субъекта коммуникации, что в свою очередь определяет специфику связи между коммуникатором и реципиентом. Она выделяет самообщение, межличностное общение (в рамках первичной группы), массовые коммуникации, общение во вторичной группе, где тип связи между коммуникатором и реципиентом – промежуточный между межличностным общением (непосредственной связью) и массовыми коммуникациями (опосредованная связь) [154].

Для описания процесса речевого взаимодействия между различными ипостасями личности в пределах ее сознания мы вводим термин *интраперсональное общение*, определяя его как особый тип коммуникации, основной характеристикой которого является непред-

назначенность порождаемого индивидуумом высказывания реально существующему, непосредственно присутствующему в момент общения (акта коммуникации) адресату. Специфика интраперсонального общения состоит в том, что один из партнеров общения не существует непосредственно в данной реальной ситуации, а объективируется в сознании другого индивидуума. При этом адресатом интраперсонального высказывания индивидуума может быть как он сам, точнее, его второе «Я», так и самые различные субъекты коммуникации: реальные личности, недоступные для общения в данный момент, одушевленные и неодушевленные объекты, так называемый «нададресат» и т. д. Примерная классификация типов адресата представлена во второй главе монографии.

Тип адресата непосредственно связан с таким компонентом коммуникативной ситуации, как *форма* коммуникации – монологическая, диалогическая или в виде кратких реплик, которая, в свою очередь, детерминирует *содержание* общения, т. е. тип информации, передаваемой в ходе общения. Так, содержание кратких реплик всегда отражает оценку индивидуумом непосредственно воспринимаемых реалий окружающего мира, передает его эмоции, комментарий по поводу выполняемой деятельности или собственного участия в ней. И если тема внутреннего монолога является результатом свободного выбора личности, то содержание ее внутренних диалогов определяется, прежде всего, типом адресата.

Существенной особенностью содержания интраперсонального общения является значимость обсуждаемой темы для личности. Многие темы внутренних монологов и диалогов в принципе не могут быть исчерпаны, т. к. обладают неустранимой неопределенностью. Например, тема оценки собственных способностей, достижений, планов на будущее. Особая значимость тем интраперсонального общения для личности есть проявление его неразрывного единства с эмоциональными процессами индивидуума, которые оказывают существенное влияние на динамику аутокоммуникации.

Важно отметить, что содержательная сторона интраперсонального общения, равно как и формы его осуществления, не составляют отличительной черты этого вида коммуникации, хотя и имеют, безусловно, свою специфику по сравнению с межличностным общением. Однако при всем том сходстве, которое демонстрируют межличностное и интраперсональное общение с точки зрения структуры и содержания, нельзя не учитывать их кардинальное различие в плане такой характеристики коммуникативной ситуации как способ (канал и код) осуществления общения. Для интраперсонального общения таким способом является ***внутренняя речь***, тогда как способ осуществления межличностного общения – внешняя речь. Общеизвестно, что коммуникация как идеальный процесс неразрывно связана с материальным миром в трех аспектах: она должна иметь материального носителя, материальный предмет отражения и материального посредника. Материальным носителем коммуникации являются нейродинамические процессы в сознании индивидуума, и здесь, по-видимому, нет принципиальных отличий внутренней коммуникации от внешней. Не наблюдается и специфических отличий при выделении предмета отражения во внутренней коммуникации: объекта или явления внешней действительности, а также эмоционального состояния индивидуума и его соотношения с действительностью. Говоря же о материальном опосредовании, мы закономерно сталкиваемся со сложной и во многом еще не ясной проблемой внутренней речи, где из-за недостаточности экспериментальных данных многое рассматривается гипотетически. Анализу внутренней речи, ее основных свойств и функций посвящен следующий раздел данной главы.

1.2. Внутренняя речь как материальная основа интраперсонального общения

Интерес к внутренней речи как сложному и неоднозначному явлению человеческой психики уходит корнями в глубокую древность. Еще Платон в своем диалоге «Теэтет» дал образное описание внутренней речи и ее роли в процессе мышления, назвав последнее «разговором, который ведет душа сама с собой о предмете своего исследования». По его мнению, душа, размышляя, ничего иного не делает, как разговаривает, спрашивает сама себя, раздумывая, утверждая, отрицая. История же систематического изучения внутренней речи насчитывает более ста лет. Первые исследователи внутренней речи В. Эггер и Дж. Бале видели в ее основе слуховые представления речи и считали, что «моя внутренняя речь (*ma parole interieure*) является воспроизведением моего голоса или голосов других людей» [133, с. 112].

Неоценимый вклад в изучение внутренней речи внесли русские ученые – психологи и психофизиологи. Труды Н. И. Жинкина, Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, А. А. Леонтьева, И. В. Страхова, А. Н. Соколова, А. Р. Лурии, Ф. Н. Шемякина, Т. Н. Ушаковой, Б. Ф. Баева, С. Л. Рубинштейна не только способствовали разрешению многих проблем, связанных с внутренней речью, но и открыли новые перспективы ее исследования, привели к переосмыслению прежних представлений о ней.

Речь как порождение и использование текста на естественном языке реализуется в процессе общения человека с человеком, также как при его общении с самим собой. В первом случае возникает внешняя речь, адресованная реальному собеседнику, во втором – внутренняя речь, то есть речь «не предназначенная для других» (Рубинштейн), «речь для себя» (Выготский).

В функциональном плане внутренняя речь есть, во-первых, средство осуществления мыслительного процесса индивидуума; во-вторых, канал (код), посредством которого реализуется интраперсональное общение индивидуума; в-третьих, средство регуляции психических процессов индивидуума.

Непосредственная и неразрывная связь языка и мышления подтверждается исследованиями великого русского физиолога И. П. Павлова, дающими естественнонаучное обоснование этому факту, а также целым рядом новейших психофизиологических исследований русских и зарубежных ученых.

Мышление объединяет на идеальном, психическом уровне две формы деятельности индивидуума: познавательную и управляюще-преобразовательную. Мышление как орудие познания представляет собой поиск и обработку информации, своеобразное «распредмечивание» объекта, т. е. перевод материального в идеальный план. При этом мышление и познание не являются тождественными понятиями, поскольку познание включает в себя и чувственные формы отражения. В процессе познания в сознании индивидуума отображается сенсорный континуум окружающей его действительности. «Чувственное восприятие дает предмет, разум – название для него. В разуме нет того, чего не было бы в чувственном восприятии» (Фейербах) [152, с. 49]. Переход от чувственного восприятия к мышлению состоит, таким образом, в установлении названия для каждого отражаемого объекта, т. е. в закреплении за ним определенного звукового комплекса.

Мышление выступает как *нечувственное, обобщенное, абстрагированное и опосредованное отражение действительности, осуществляемое с помощью материальных средств, которыми являются единицы естественного языка* [Ibid. 55].

Язык, таким образом, есть система чувственно-материальных средств для формирования, выражения и сообщения мыслей (мысль – устойчивый или неустойчивый, закрепленный или незакрепленный результат познавательной деятельности). Языковые средства суть

форма *существования* мысли, они воспроизводят эту мысль и без них она существовать не может. Однако ни в коем случае нельзя говорить о тождестве единиц языка и мышления, об отсутствии каких-либо расхождений между строем языка и строем мышления. Действительно, самая простая единица мышления (концепт) и элементарная единица языка (фонема) не совпадают. Внутренний строй языка в целом сложнее строя мышления в целом: в языке больше типов строевых единиц. Поэтому одна формально неделимая мысль может выражаться целым сочетанием разнообразных языковых единиц. С другой стороны, отмеченное расхождение между единицами языка и мышления позволяет нам обходиться сравнительно небольшим количеством языковых единиц для выражения безграничного множества мыслей за счет различных комбинаций этих единиц.

Сущность же *речи* состоит в *функционировании* указанных средств языка, иначе говоря, в реализации их отношений к фактам мышления. Факт мышления понимается нами как некий идеальный конструкт, «слепок» с предмета действительности, лишенный всякой чувственности. В процессе речи «вызываются» соответствующие факты мышления, отграничиваются от других или, наоборот, соединяются с ними.

Для понимания истинного соотношения мышления и речи следует ввести разграничение *собственно мышления и мыслительного процесса*. К собственно мышлению относятся фиксированные мысли, т. е. отдельные отражения предметов и явлений действительности, их признаков, связей и отношений, закрепленные в человеческом сознании и воссоздаваемые каждый раз заново как нечто целое (простые понятия – концепты). Собственно мышление реализуется только через множество мыслительных процессов, ибо любое общее существует только через единичное. Мыслительный процесс – это конкретная мыслительная деятельность, т. е. оперирование словесно оформленными мыслями, сам процесс их соединения, разъединения и взаимозамещения, проводимый по существующим образцам и в соответствии с определенными закономерностями. Мыслительный процесс индивидуума осуществляется посредством *внутренней речи*.

Сложность изучения внутренней речи проявляется, прежде всего, в том, что само исходное понятие до сих пор не имеет однозначного определения.

Так, А. А. Леонтьев считает, что внутренняя речь есть речевое действие, перенесенное вовнутрь, т. е. производимое в свернутой, редуцированной форме [96]. А. Н. Соколов называет внутреннюю речь психологической трансформацией внешней речи, ее внутренней проекцией [133]. Л. С. Выготский называет ее внешней речью за вычетом звукового выражения [51]. И. В. Страхов развивает эту мысль, полагая, что внутренняя речь есть именно какая-либо форма произнесения слов от молчаливого, беззвучного до громкого, слышимого даже другим человеком [137]. П. Я. Гальперин оспаривает эту точку зрения, полагая, что внутренней речью в собственном смысле слова может и должен называться тот скрытый речевой процесс, который ни самонаблюдением, ни регистрацией речедвигательных органов уже не открывается. Эта собственно внутренняя речь характеризуется не фрагментарностью и внешней непонятностью, а новым внутренним строением [54]. Подобную мысль высказывает и Ф. Кайнц, который считает внутреннюю речь речью воображаемой, представляемой, несводимой к активности речедвигательного аппарата, к скрытым или явным артикуляциям [185]. Т. Н. Ушакова частично соглашается с ним в том плане, что внутренняя речь есть психофизиологический процесс, который характеризуется отсутствием выраженных речевых проявлений (внешней речи). Но при этом неотъемлемой чертой внутренней речи является активизация речевых механизмов, хоть и протекающая в скрытой форме [141].

Для правильного понимания термина «внутренняя речь» следует четко противопоставить друг другу такие, часто смешиваемые понятия как внутренняя речь, внутреннее проговаривание и внутреннее программирование. Заслуга в разграничении этих понятий принадлежит А. А. Леонтьеву. Внутреннее проговаривание (говорение) есть скрытая физио-

логическая активность органов артикуляции, возникающая в определенных случаях и имитирующая в большей или меньшей степени процессы реального говорения. Оно связано с двумя основными видами ситуаций: а) восприятие речи, когда оно осуществляется вне внутренней речи как таковой и вне глубинных психических процессов; б) протекающие в развернутой форме умственные действия, когда внутреннее проговаривание сопровождает внутреннюю речь. Внутреннее проговаривание возникает обычно при выполнении трудных заданий, при перефразировке текстов, запоминании и припоминании словесного материала, письменном изложении мыслей и т. д. [133, с. 127].

Внутреннее программирование – необходимый этап реализации любого речевого акта человека. Это совокупность процессов неосознанного построения схемы отражаемой в речи действительности. На основе этой схемы в дальнейшем порождается речевое высказывание. Различие между внутренним программированием и внутренним говорением – это различие между промежуточным звеном и конечным звеном в процессе порождения речи. Внутреннее программирование может развиваться либо во внешнюю речь, минуя внутреннюю речь, либо во внутреннюю речь, в зависимости от функциональной специализации и других факторов. Переход от внутреннего программирования к внешней речи происходит при помощи правил грамматического и семантического развертывания программы. По-видимому, переход от программирования к внутренней речи тоже связан с применением каких-либо правил – своего рода «минимальной грамматики».

Внутренняя речь, как следует из вышеизложенного, не сводима ни к процессам внутреннего программирования, ни к внутреннему звену речевого механизма, ни к одному лишь внутреннему говорению. отождествление ее лишь с одним из этих понятий грубо упрощает феноменологию интраперсонального общения, средством осуществления которого она является.

Подвергнув критическому анализу различные точки зрения по этой проблеме, мы пришли к выводу, что определение внутренней речи, данное Г. М. Кучинским, наиболее верно раскрывает сущность внутренней речи. Автор полагает, что внутренняя речь – это речь в виде последовательности обычных слуховых представлений речи с предельно ослабленной выраженностью чувственной образной формы. Внутренняя речь не сводима ни к скрытым или явным артикуляциям, ни к эйдетическим (образным) слуховым представлениям. Она может быть как речью произносимой (т. е. речью, основой которой является более или менее выраженная активность речедвигательного анализатора), так и речью воображаемой, представляемой [93, с. 84]. Таким образом, внутренняя речь слышимая, воображаемая и внутренняя речь произносимая суть две основные равноценные формы, что неоднократно демонстрировалось путем различных экспериментов в области патологии психики, в частности при изучении вербальных галлюцинаций.

Учитывая этот основополагающий вывод о двойственной природе внутренней речи, можно дать ей более емкое определение, чем те, что были процитированы ранее. Мы полагаем, что понятие внутренней речи может **объединить все разнообразие речевых действий индивидуума, не адресованных другому реальному собеседнику**. Имеются в виду все формы речи, образующие процесс интраперсонального общения: и громко произносимая, развернутая речь, предназначенная, однако, только для себя, и речь, произносимая тихо про себя, свернуто, и речь, существующая на уровне обычных слуховых представлений, почти лишенная словесной (образной) оболочки («чистая мысль»), и речь, представляемая на уровне эйдетических образов со всеми особенностями звучащего голоса, и, в конце концов, слуховые галлюцинации. Все эти формы речи являются самостоятельными реализациями одного и того же процесса. В пользу такого широкого понимания внутренней речи свидетельствуют непрерывные переходы всевозможных разновидностей внутренней речи друг в друга и их функциональное единство: все эти виды речи порождаются человеком и одинаково необхо-

димы ему. Нет разрыва между двумя относительно самостоятельными формами внутренней речи, есть лишь постоянное взаимодействие, которое еще более усложняет наше представление об этом феномене.

Вывод о двух формах существования внутренней речи дает возможность по-новому взглянуть на некоторые ее черты и особенности, отличающие ее от речи внешней. Практически всеми авторами многочисленных публикаций по данной проблеме признается, что высказывание в процессе общения человека с самим собой отличается определенной неполнотой и фрагментарностью. Действительно, произносимая внутренняя речь часто кажется фрагментарной, т. к. при этом не учитывается одновременное существование представляемой внутренней речи. Мы просто не ощущаем обилие представляемого, но не выраженного в произносимом слове содержания, уже актуализированных в сознании личности речевых единиц. Но и представляемая внутренняя речь, в свою очередь, обладает совершенно особыми свойствами с точки зрения фонетики, морфологии и синтаксиса.

К фонетическим особенностям внутренней речи, по мнению большинства психологов, относится в первую очередь ее беззвучный характер. Б. Г. Ананьев определяет эту черту как «беззвучность при внутренней слышимости, при наличии скрытых движений, особенно в процессе внутренних размышлений, принятия решений и т. д.» [5, с. 89]. Фонетическую редукцию внутренней речи признает и Л. С. Выготский, полагая, что она «оперирует преимущественно семантикой, но не фонетикой, словами только подразумеваемыми, не существующими актуально нигде» [51, с. 361]. Поскольку внутренняя речь – речь для себя, ее материальная основа сведена к минимуму, например к представлению начальных букв слов.

Морфологическая структура внутренней речи отличается сжатостью и сокращенностью словарного состава. На разных фазах внутренней речи ее лексическая репрезентация различна: от предельной сжатости, девокализации и инициальности слов до логически осмысленных, морфологически оформленных лексических единиц (в стадии близкой к внешней речи). Иногда слова во внутренней речи могут вообще заменяться образами, наглядными схемами, простыми символами.

Некоторые психологи считают конститутивным признаком внутренней речи ее абсолютную предикативность. «Внутренняя речь вся состоит с психологической точки зрения из одних сказуемых» – пишет Л. С. Выготский [51, с. 372]. «Закон для внутренней речи – всегда опускать подлежащее», точнее – сливать его со сказуемым. Подлежащее (логический субъект) не отмирает, но подразумевается, лежит в наиболее глубоком отсеке внутренней речи. Такая предикативность речи есть следствие предикативности мышления, его тесной связи с объектами реальной действительности.

Однако другие ученые (А. Н. Соколов, Б. Г. Ананьев) полагают, что внутренняя речь может быть и субстантивной. Субстантивный характер она принимает тогда, когда предмет объективной действительности еще не опознан и не узан, а только намечен в мысли [133]. По мнению Б. Г. Ананьева, необходимыми элементами внутренней речи являются не только предикаты, но и субъекты, а также указательные определения места [5]. А. А. Леонтьев пишет по этому поводу, что внутренняя речь включает в себя корреляты всех особенно важных для высказывания компонентов – субъект, предикат, объект, в той мере, в какой их взаимоотношения существенны для будущего высказывания [97]. Таким образом, признание абсолютной предикативности внутренней речи является хотя и распространенным, но не бесспорным.

Что касается синтаксических особенностей внутренней речи, то их развернутая характеристика дана Л. С. Выготским в его работе «Мышление и речь». Синтаксис внутренней речи, считает он, максимально сокращен, сгущен, свернут. Компоненты ее подвергаются своеобразной «агглютинации», что, по мнению Выготского, объясняется преобладанием во внутренней речи смысла слова над его значением. Всеобщая экспансия смысла и приво-

дит к «слипанию» слов. Смыслы как бы вливаются друг в друга, так что предшествующее содержится в последующем, последующее в предшествующем. Сжатость синтаксической структуры внутренней речи проявляется в разной степени на разных ее этапах. Сокращаются обычно второстепенные члены или один из главных, в зависимости от психологического контекста, что связано с энтимематичностью человеческой мысли, когда та или иная часть мысли не высказывается, а подразумевается. Такой синтаксис, пишет Л. С. Выготский, необходимо выражает «обращение к очень хорошо знакомому человеку (а кого мы знаем короче, чем самого себя?). Понимание догадкой и высказывание намеком играют решающую роль во внутриречевом обмене» [51, с. 390].

Язык внутренней речи свободен от избыточности, свойственной всем натуральным языкам. Формы натурального языка определены строгими правилами, вследствие чего соотносящиеся элементы конкретны, т. е. содержательны, а не формальны, и конвенциональное правило составляется лишь на время, необходимое для данной мыслительной операции [67, с. 36].

Колеблющаяся структура предложений, инверсии, эллипсы, элизии, повторы, вопросительно-восклицательные структуры – эти синтаксические особенности внутренней речи обусловлены определенным психическим состоянием человека: умственная сосредоточенность на определенном объекте, эмоциональное возбуждение, психическое отклонение и т. д. Бесконечно сложный внутренний мир человека, процесс размышлений и аффектирующих рефлексий, отражаясь во внутренней речи, придает ей характер вопросительных, восклицательных или вопросительно-восклицательных синтаксических конструкций. Особенно многогранна семантическая дистрибуция вопросов: риторические, утвердительные, делиберативные, консультативные, побудительные и т. д.

В заключение следует отметить, что все вышеперечисленные особенности внутренней речи при определенных условиях (например, общность ситуации) могут обнаруживаться и во внешней речи. По этому поводу Л. С. Выготский писал, что внутренняя речь близка разговорной речи по ряду особенностей, таких как предикативность, идиоматичность, семантический синкретизм, что неоднократно демонстрируется в многочисленных примерах [52].

Однако есть определенные черты внутренней речи, свойственные только ей в силу ее основной характеристики – одновременного существования в двух формах: произносимой и представляемой. К ним относится, прежде всего, последовательность внутренней речи, которая заключается в том, что человек не может одновременно произносить несколько слов сразу, а воспроизводит их поочередно. Это качество присуще и внешней речи и бесспорно по отношению к ней. Справедливо оно и для внутренней речи, если сводить ее только к форме произносимой речи. Но, признавая наличие представляемой формы, мы делаем вывод о возможности параллельного развертывания произносимой и представляемой речи одного человека. Начатая на основе осознанного замысла реализации, речь может протекать далее как автоматический процесс. А одновременно в сознании говорящего, еще до завершения говорения, могут возникать иные мысли, в частности такие, под влиянием которых он может начать исправлять произносимое высказывание, переформулировать его или вовсе прекратить речь. Такие процессы характерны для неподготовленной речи, особенно сопровождающей сложные мыслительные процессы. Следовательно, возможно и параллельное и последовательное развертывание внутренней речи, что абсолютно не представимо во внешней речи.

Еще одной особенностью внутренней речи, по мнению Г. М. Кучинского [93], является тот факт, что человек может рассматривать ее либо как собственную речь, либо как отчужденную (чужую) речь. Особенность чужой речи в том, что она выражает иное, отличное от собственного понимание происходящего, чужую или чуждую мысль. Степень отчужденности внутренней речи может усиливаться ее особым грамматическим строем, тем, что

она формируется как обращение к самому порождающему, анализирующему ее субъекту во втором или третьем лице. Такие крайние случаи отчуждения собственной внутренней речи характерны для патологии. Но различные степени отчуждения речи существуют и в нормальных, обычных ситуациях, когда человек сталкивается с чужими мнениями, учитывает их, принимает решение на их основе и т. д. Существование двух различных форм внутренней речи дает человеку дополнительные возможности различать чужую и собственную речь, например, когда чужую речь он представляет (слышит), а свою произносит. Другие черты внутренней речи, такие как, например, высокая степень ситуативности и контекстуальной обусловленности ее компонентов, настолько сходны с подобными характеристиками внешней разговорной речи, что не требуют особого анализа в данной работе.

В заключение следует добавить, что в процессе внутренней речи обнаруживается разностороннее взаимодействие лингво-психологических и социально-психологических факторов, которое в какой-то мере определяет ее сложный механизм и приводит к широкому вовлечению внутренней речи в художественную литературу.

1.3. Основные формы интраперсонального общения

Общение человека с самим собой производно от общения человека с человеком, в котором создаются и опробуются различные знаки, усваиваются правила их сочетания, употребления, интерпретации. И поскольку общение на межличностном уровне осуществляется, прежде всего, в формах диалога и монолога, то и в интраперсональном общении мы выделяем такие формы, как *внутренний монолог* и *внутренний диалог*. Наряду с ними выделяется также такая самостоятельная форма интраперсонального общения, как *простое внутреннее реплицирование*.

1.3.1. Простое внутреннее реплицирование

Простое внутреннее реплицирование представляет собой отдельные, относительно краткие, невзаимосвязанные высказывания, возникающие обычно в неречевых ситуациях либо отражающие внутренний комментарий индивидуума к воспринимаемой им внешней речи.

В ситуации интерперсонального общения индивидуума его внутреннее реплицирование служит показателем явной активности процесса восприятия чужой речи. Но, несмотря на то что краткая реплика – ответ на чужие слова, она не адресована *другому*, т. е. реальному собеседнику, а предназначена себе самому. Подобные высказывания представляют собой скрытый комментарий индивидуума к воспринимаемой им внешней речи. Эти внутренние комментарии выражают согласие или несогласие, одобрение или отрицание слов собеседника и, таким образом, создают дистанцию между своим и чужим словом. Простота и краткость высказываний объясняется здесь двумя причинами: с одной стороны, это известность, понятность, обычность ситуации и, соответственно, ненужность многословия; с другой стороны – необычность, непонятность ситуации и, следовательно, отсутствие необходимых слов. Проиллюстрируем это положение соответствующими примерами.

Lydia [to Captain Absolute]: Let her choice be Captain Absolute, but Beverley is mine.

Mrs. Malaprop [aside]: I am astonished at her assurance! – to his face – this is to his face! [23, p. 249].

Малопонятные на первый взгляд слова тетушки, подслушивающей разговор Лидии с ее возлюбленным, контекстуально обусловлены: Лидия и не подозревает, что Беверлей, которому она в данный момент раскрывает свои чувства, и капитан Абсолют, за которого ее сватает тетка, одно и то же лицо. Эллиптическое предложение *to his face* не требует семантической и структурной экспансии, поскольку ситуация предельно ясна говорящему.

Когда же обман раскрывается, капитан Абсолют испытывает вполне естественное замешательство и сразу не находит нужных слов для объяснения с Лидией, что и отражает его внутренняя реплика:

Sir Anthony: Now, Jack, speak to her.

Captain Absolute [aside]: What the devil shall I do! – [Aloud] You see, sir, she won't even look at me whilst you are here. I knew she wouldn't! [Ibid. 257].

Параллельное развертывание внешней и внутренней речи обусловлено психофизиологическими свойствами последней, в частности возможностью существования на уровне обычных слуховых представлений, почти лишенных словесной оболочки («чистая мысль»). Безусловно, в художественном произведении подобные фрагменты внутренней речи требуют соответственного словесного оформления. Например:

The old man spoke in his own language, then one of the young men stepped forward politely and said in careful English: "My Chief travels to see his brothers beyond the river."

A Chief! I thought, understanding the pride that made the old man stand before me like an equal [52, p. 462].

Во время восприятия чужой речи и формулирования собственной краткой реплики отношения между внешней и внутренней речью могут быть различны: индивидуум может задумать больше, чем сказать, или выдать вслух высказывание, совершенно противоположное тому, что он произносит «про себя». Например:

"I'm so thirsty, do you mind if I have a glass of champagne?"

Julia was silent for a fraction of a second. It was his champagne and his compartment. Oh, well, in for a penny, in for a pound.

"Of course not." [47, p. 92].

"Now listen to me, Ben. If you ever, ever, ever hurt anyone again, you'll have to go back there."

She kept her eyes on his, and hoped that he could not know she was saying inwardly, But I'd never send him back, *never* [46, p. 101–2].

Нередко индивидуум вообще не озвучивает свое внутреннее высказывание, и тогда реплики его собеседника идут одна за другой, что отчетливо видно в драматических произведениях:

Mr. Horner: Come, I'll treat thee, dear rogue; thou shan't spend any of thy Hampshire money today.

Mr. Pinchwife [*aside*]: Treat me! So he uses me already like his cuckold.

Mr. Horner: Nay, you shall not go.

Mr. Pinchwife: I must; I have business at home [23, p. 16].

В следующем примере персонаж также ограничивается лишь внутренней репликой-реакцией на слова собеседника по внешнему диалогу:

"Colonel Coltrane, I'm ashamed to do it. I want you to let me wear your coat and hat until we are out of sight beyond..."

"Now, what does this mean?" said Coltrane to himself, as he compared his companion's sane looks and quiet demeanor with his strange request. But he was already unbuttoning his coat, assenting readily, as if the fancy were in no wise to be considered strange [61, p. 227].

Реплика героя во внутренней речи выражает удивление по поводу странной просьбы его спутника обменяться верхней одеждой. Однако его внешняя реакция состоит лишь в готовности выполнить эту просьбу.

Следует отметить, что в процессе межличностного общения краткие реплики не всегда являются безадресными, но приобретают адресата в лице собеседника индивидуума по внешнему диалогу. Безусловно, подобные реплики не озвучиваются индивидом, поскольку носят явно выраженный оценочный характер. Это невысказанное суждение не обязательно является отрицательным по отношению к адресату, оно может быть и положительным, но в любом случае у индивидуума есть причина скрывать свои мысли от собеседника. Приведем несколько примеров подобных высказываний:

"He said I was a daughter of the bards. What are they?"

"Welsh poets who lived hundreds of years ago."

"Why am I their daughter, please?"

"He meant that you were the sort of girl they sang about."

She smiled.

And Ashurst thought: "You are a pretty thing!" [54, p. 144].

"Come in, fool," said he angrily, as soon as he saw me; you may well be ashamed to see me after your noise and nonsense, and exposing me as you have done."

"I ashamed to see *you!*" thought I: Very pretty indeed!" But I said nothing [67, p. 15].

Но все же простое внутреннее реплицирование является в большинстве случаев интравертным коммуникативным актом, который не адресован внешнему собеседнику – ни реальному, ни воображаемому. Основная прагматическая функция данной формы аутокоммуникации – выражение весьма широкого спектра эмоциональной оценки.

Говоря об эмоциональном аспекте высказывания, следует подчеркнуть, что эмоциональность служит, прежде всего, для выражения *оценочного отношения* индивидуума к окружающей действительности. Оценка представляет собой умственный акт как результат взаимодействия человека с окружающей действительностью. Вне оценочной деятельности невозможно развитие и само существование человеческого мышления. Характеристика объекта является результатом оценочной деятельности двух типов – интеллектуальной и эмоциональной. Интеллектуальная оценка основывается на общелогических критериях, входит в предмет обозначения и является частью денотата. Эмоциональная оценка основывается на тех эмоциях, которые вызывает обозначаемый предмет, процесс или явление. В этой связи принято выделять три основных типа оценки: 1) сенсорные оценки, основывающиеся на ощущениях, чувственном (физическом и психическом) опыте человека; 2) сублимированные (эстетические и этические), связанные с нравственными чувствами; 3) рационалистические оценки, связанные, прежде всего, с практической деятельностью индивидуума; среди них выделяются утилитарные, нормативные и телеологические оценки, основные критерии которых – психическая или физическая польза, соответствие установленному стандарту, направленность на достижение определенной цели и пр.

Объектом эмоциональной оценки индивидуума, выраженной в его кратких репликах, является либо вся конситуация в целом, либо ее отдельный аспект, вызывающий у индивидуума наиболее сильные эмоции. Так, юная девушка, только что расставшаяся со своим возлюбленным, как она полагает, навсегда, испытывает грусть, которая выражается в одной-единственной фразе:

The image of Theodore pursued her to her chamber; and a soft melancholy stole upon her. "I shall see him no more," said she. A sigh that followed told her more of her heart than she wished to know [65, p. 111].

В следующем примере высказывание персонажа относится ко всей ситуации, включая и обстановку, и вид деятельности, и самих участников этой деятельности:

The lamp-light was utterly serene; there was no movement save the stir of Priscilla among her papers. All silent and all damned, Denis repeated to himself, all silent and all damned... [38, p. 144].

Почему героя так раздражала уютная гостиная, в которой и гости и хозяева были заняты каждый своим делом: кто-то читал, кто-то делал зарисовки в записной книжке, кто-то рассматривал гравюры? Просто он только что выставил себя посмешищем в глазах любимой девушки во время прогулки по ночному саду. Неудивительно, что домой Дэнис вернулся *"in a state of the profound depression"*.

Оценке может быть подвергнуто все в окружающем индивидуума мире – люди, события, свойства предметов. Поскольку человеческое сознание непременно включает аксиологический аспект, общение индивидуума – и межличностное, и интраперсональное – невозможно без выражения отношения к предмету речи и адресату. Субъект вербальной коммуникации может быть носителем разных, в том числе и противоречивых качеств и, следовательно, быть объектом нескольких категорий оценок. Все они могут обнаруживаться в семантике вербальной характеристики партнера по диалогу. В них встречаются и частные оценки, и их комбинации, связанные с природными и приобретенными качествами субъекта коммуникации. Индивидуум высказывает оценочные суждения как о конкретном человеке в конкретной ситуации, так и общие оценочные суждения, касающиеся всего человеческого рода либо его отдельных представителей.

Например, следующая реплика персонажа представляет собой обобщенную оценку роли врачей в жизни общества, переданную посредством стилистического приема сравнения (*simile*):

Mr. Horner [*aside*]: A quack is as fit for a pimp, as a midwife for a bawd; they are still but in their way, both helpers of nature. – [*Aloud.*] Well, my dear doctor, hast thou done what I desired? [23, p. 7].

Иногда внутренняя реплика индивидуума сочетает в себе оценку частного лица и философскую сентенцию:

Julia [*aside*]: He seems dejected and unhappy – not sullen; there was some foundation, however, for the tale he told me – O woman! How true should be your judgment, when your resolution is so weak! [23, p. 275].

Давая оценку отдельным личностям, индивидуум обычно использует номинативные предложения, состоящие либо из одного имени существительного, либо (и чаще) из существительного, модифицированного прилагательным оценочной семантики. Например:

There was another rapid glance at the house, and supposing himself unseen, the scoundrel had the impudence to embrace her.

"Judas! Traitor!" I ejaculated. "You are a hypocrite, too, are you? A deliberate deceiver!" [13, p. 104].

В процессе межличностного общения объектом эмоциональной оценки индивидуума очень часто становится его собеседник. Индивидуум может высказаться в своей внутренней речи о внешности собеседника, его умственных способностях, его поведении в момент речи, его эмоциональном состоянии, манере выражаться и т. д. Например:

Mrs. Pinchwife: The fine gentleman has given me better things yet.

Mr. Pinchwife: Has he so? – [*Aside*] Out of breath and coloured! – I must hold yet [23, p. 42].

А поскольку оба субъекта включены именно в речевую деятельность, естественно, что оценке подвергается в первую очередь содержание высказывания собеседника. Например:

Captain Absolute: Oh, come to me – rich only thus – in loveliness! Bring no portion to me but thy love – 'twill be generous in you, Lydia – for well you know, it is the only dower your poor Beverley can repay.

Lydia [*aside*]: How persuasive are his words! – how charming will poverty be with him! [23, p. 248].

Mrs. Malaprop: ... Isn't he a handsome man? – tell me that. A genteel man? a pretty figure of a man?

Lydia [*aside*]: She little thinks whom she is praising! – [*Aloud*] So is Beverley, ma'am [Ibid. 256].

Объектом эмоциональной оценки, заключенной в кратких репликах, часто является сам говорящий. Причем оцениваться может как его физическое и эмоциональное состояние в момент речи, так и его достижения (или неудачи) в осуществлении какой-либо деятельности. Подобное самобичевание или самопоощрение возникает обычно в неречевых ситуациях, будь то в ходе выполнения какой-либо операции на рабочем месте или в домашних условиях. Например:

She was never backward to admire herself; and she paused, struck with a pleased wonder at the sight. "Ye daft auld wife!" she said, answering a thought that was not; and she blushed with the innocent consciousness of a child [78, p. 271] – оценка внешнего вида.

Lucy [*alone*]: Jealousy, rage, love and fear are at once tearing me to pieces. How I am weather-beaten and shattered with distresses! [23, p. 198] – оценка эмоционального состояния.

At the roots of my hair a tingling sensation began to run down over the surface of my flesh, leaving me goose-fleshed and cold, though I was damp with sweat. *Fever?* I thought; then uneasily

turned to look over my shoulder; and realized suddenly that it was fear [54, p. 465] – оценка физического состояния всего организма.

As we crawled through the choking dullness of Tooting he was still messing with the electric seat controls, and muttering to himself as he pressed the switches of the map light and the trip computer, "So you've done all right ... Yeah, I always knew you'd be OK" [49, p. 189] – оценка своих действий по достижению поставленной цели.

Предметы могут быть оценены либо по своей функции в жизни (или, чаще – в конкретной деятельности) индивидуума, либо по своей внешней характеристике (размер, цвет, другие физические свойства). Например:

Then she would take up another pen and begin to write, and say in a low voice, "Oh, it's a talking pen, and will disturb Doady!" And then she would give it up as a bad job, ... [22, p. 528].

Then he saw the statue on the tall column.

"I will put up there," he cried; "it is a fine position, with plenty of fresh air". So he alighted just between the feet of the Happy Prince.

"I had a golden bedroom," he said softly to himself as he looked round, ... [62, p. 61].

Оценке могут подвергаться абстрактные понятия, явления и пр.:

"What a curious thing!" he cried; there's not a single cloud in the sky, the stars are quite clear and bright, and yet it raining. The climate in the north of England is really dreadful" [62, p. 62].

Стоит отметить, что часто индивидуум лишь *называет* в своем интраперсональном высказывании тот объект, который он видит (слышит), не выделяя непосредственно оценочный компонент своей реплики:

Mrs. Malaprop: ... this very day I have interceded another letter from the fellow; I believe I have it in my pocket.

Captain Absolute [aside]: Oh, the devil! my last note.

Mrs. Malaprop: Ay, here it is.

Captain Absolute [aside]: Ay, my note indeed! O the little traitress Lucy [23, p. 246].

Отметим, что в большинстве своем подобные краткие реплики не рассчитаны на иницирование разговора, они редко переходят во внутренний монолог или диалог. Как правило, с их помощью индивидуум лишь *самовыражается*, поэтому подчас невозможно выявить в качестве адресата и адресанта краткой реплики эмоциональное или рациональное начало личности. Такие безадресные высказывания обычно относятся к внешней ситуации и никак не задевают внутреннего состояния героя, представляя собой его оценку какого-либо аспекта этой неречевой ситуации, о чем уже говорилось ранее.

С точки зрения своей коммуникативной направленности краткие реплики могут быть представлены всеми тремя кардинальными коммуникативными типами предложения: повествовательным, побудительным и вопросительным. Помимо них среди кратких реплик часто встречаются предложения, представляющие собой промежуточные коммуникативные типы: вопросительно-повествовательный (риторический вопрос), вопросительно-побудительный и повествоательно-побудительный.

She looked at her reflection in the mirror long, carefully and critically.

"If Jim doesn't kill me", she said to herself, "before he takes a second look at me, he'll say I look like a Coney Island chorus girl. But what could I do – oh! what could I do with a dollar and eighty-seven cents?" [61, p. 34].

Героиня рассказа О. Генри «Дары волхвов», глядя в зеркало, небезосновательно опасается, что мужу не понравится изменение ее внешности – короткие кудряшки вместо роскошных длинных волос. Следующая ее реплика, структурно и семантически не связанная с предыдущей, понятна читателю из контекста – героиня продала волосы, чтобы купить мужу подарок на Рождество. Драматический эффект высказывания усиливается за счет стилистического контраста обеих реплик: первая из них нейтральна, вторая отличается повышенной

эмоциональностью, которая создается риторическим вопросом, повтором части предложения и эмфатическим междометием.

Сочетание риторического вопроса с восклицательным предложением можно признать типичной конструкцией краткой реплики, настолько часто подобная структура встречается в художественных текстах. Например:

By the time he had got all the bottles and dishes and knives and forks and glasses and plates and spoons and things piled up on big trays, he was getting very hot and annoyed.

"Confusticate and bebother these dwarves!" he said aloud. "Why don't they come and lend a hand?" [62, p. 217].

Весьма распространенным коммуникативным типом кратких реплик являются побудительные предложения. Отправителем сообщения является в данном случае второе «Я» индивидуума, которое обычно выступает как рациональное начало его личности, трезво оценивающее ситуацию и близкое к логическому мышлению. Например:

Yet, miserable or not (and he was), he still wanted to live. *Think about it, goddammit! Jesus Christ, are you already so cowed you can't even try?* [43, p. 30].

Попавший в трудное положение, измученный болью, совершенно упавший духом герой слышит ободряющие слова лишь от своего второго «Я», пытающегося направить мысли и энергию персонажа на поиски выхода из сложившейся ситуации. В другом эпизоде разум предостерегает героя об опасности, когда он, достигнув желаемого результата (упаковки обезболивающих таблеток), позволяет себе расслабиться и даже посмеяться над своим двусмысленным положением. Однако внутренний голос не дает ему забыть о возможности попасться на месте преступления:

He looked into the carton, trying to calculate how many of the sample boxes he might be able to take without her realizing that a little mouse named Paul Sheldon had been nibbling away at the supply...

Get moving, idiot! You have no time to enjoy being stoned [43, p. 94].

Важно отметить, что с точки зрения эмоциональной окрашенности краткие реплики часто представлены восклицательными предложениями. Подобные предложения могут быть оформлены в виде специфических для английского языка конструкций, выражающих восклицание типа *What a...! How...!* Однако в большинстве случаев восклицательные предложения отличаются от нейтральных лишь графическим оформлением – наличием восклицательного знака в конце предложения, имея при этом идентичную с ними структуру. Например:

Poor Toad sprang to his feet and pelted away again, his heart in his mouth. "Oh my!" he gasped, as he panted along, "what an *ass* I am! What a conceited and heedless ass! Swaggering again! Shouting and singing songs again! Sitting still and gassing again! Oh my! Oh my! Oh my!" [31, p. 158].

No doubt for lack of wax, this note was unsealed, which explained why it was couched in governess French. ... The French! Varguennes!

Charles crumpled the sheet of paper in his clenched hand, ... But it was too much! After such a day! [29, p. 180].

Особым типом кратких реплик следует признать междометия – непосредственные сигналы эмоционального состояния индивидуума в момент их произнесения. Междометия «срываются» с его уст бессознательно, обычно как реакция на какое-либо неожиданное происшествие, как результат испуга, удивления, радости, отчаяния и т. д. Стандартный набор междометных высказываний в произведениях англоязычной литературы составляют слова *God! Good Gracious! My Goodness! Damn! Hell!* etc. Например:

"*Oh my God!*" she gasped. Her heart beat so! It beat so! And she put her hand to her chest. Was there some stoppage there? Even at her age the heart could stop, couldn't it? [63, p. 148]

His eyes seemed to be filling with tears again. "Oh hell," said Danby aloud. He shook the tears away and took off his jacket and his tie [58, p. 287].

С точки зрения формальной представленности краткие реплики пунктуационно выделяются из авторского повествования с помощью скобок, тире, кавычек или их сочетаний. Формально невыделенные краткие реплики непременно имеют в своем составе эмоционально и/или стилистически окрашенные лексические единицы, которые и служат своеобразными маркерами плана персонажа в художественном тексте.

В заключение следует отметить сравнительно редкое использование «кратковременных вкраплений» внутренней речи в тексте художественного произведения. Мы объясняем этот факт длительностью и сложностью речемыслительного процесса индивидуума, который может быть адекватно передан лишь в различных формах развернутой внутренней речи. Однако краткие реплики незаменимы в ситуациях, требующих мгновенной речевой реакции индивидуума на происходящее, что подтверждается многочисленными примерами из произведений художественной литературы.

Более развернутая во времени внутренняя речь существует либо в форме монолога, либо в форме диалога, основное различие между которыми состоит в направленности данного акта коммуникации: внутренний монолог является интравертным коммуникативным актом, внутренний диалог – экстравертным коммуникативным актом.

1.3.2. Внутренний монолог

Внутренний монолог является сложной формой одностороннего речевого общения индивидуума с самим собой. Посредством внутренних монологов индивидуум обычно фиксирует конечные результаты собственного мыслительного процесса, поэтому для них характерны определенная содержательная цельность и непрерывность, которые обеспечиваются, в частности, единством темы. Например:

The doctors should walk about like sages honoured and protected by all men. What was to the heart of the mother the value in cash of the life of her child you have saved? What was the proper fee for taking the fear of death out of a pair of terror-stricken eyes by a comforting word or a mere stroke of your hand? How many francs were you to charge for every second of the death – struggle your morphia syringe had snatched from the executioner? How long were we to dump on suffering mankind all their expensive patent medicines and drugs with modern labels but with roots sprung from mediaeval superstition? Why should I, who was a fashionable doctor drive about in a smart carriage, while my colleague in the slums had to walk on foot? Why did the state spend many hundred times more money on teaching the art of killing than the art of healing? [56, p. 270].

Риторические вопросы, которыми изобилует вышеприведенный фрагмент текста, вносят в рассуждения героя значительную долю эмоциональности, передают его глубокое разочарование и в выбранной профессии, и в отношении к ней государства, и в самом себе как типичном представителе врачебного сословия. Многие наболевшие проблемы, с которыми герой сталкивался в течение долгих лет работы по специальности, наконец нашли выход в этом динамичном по форме и драматичном по содержанию внутреннем монологе.

Следующий внутренний монолог выступает как своеобразное подведение итогов всего жизненного пути персонажа, он возникает в сознании героя за несколько часов до смерти. Бруно, девяностолетний старик, размышляет о прожитой жизни, ставит перед собой сложные философские проблемы бытия и с высоты своего опыта, благодаря накопленной им мудрости сам же на них отвечает. Появление образа паука в его размышлениях отнюдь не случайно: ведь изучением и коллекционированием этих насекомых он увлекался всю жизнь. Не случайно, а вполне закономерно и сравнение прожитой жизни со сном, ведь сам роман Айрис Мердок называется "Bruno's Dream". Таким образом, данный внутренний монолог является

концептуальным для всего произведения в целом, в нем сконцентрирована основная идея произведения. Этот фрагмент текста можно считать пиком информационной перспективы романа, недаром он расположен практически в самом его конце, на одной из последних страниц.

What do they feel, thought Bruno. Had the fly suffered pain when its wings were forced back and crushed by the strong thread? Had the spider felt fear when it was in the tea-cup? Perhaps if God existed He would look down upon His creation with the same puzzlement and ask what do they feel?

But there was no God. I am at the center of the great orb of my life, thought Bruno, until some blind hand snaps the thread. I have lived for nearly ninety years and I know nothing. I have watched the terrible rituals of nature and I have lived inside the simple instincts of my own being and now at the end I am empty of wisdom. Where is the difference between me and these little humble creatures? The spider spins the web, it can no other. I spin out my consciousness, this compulsive chatterer, this idle rambling voice that will soon be mute. But it's all a dream. Reality is too hard. I have lived my life in a dream and now it's too late to wake up. [58, p. 303–4].

Оценка своего состояния в момент речи составляет содержание следующего внутреннего монолога, синтаксическая структура которого (восклицательные предложения, номинативные конструкции, риторические вопросы) как нельзя лучше отражают весь «ужас» положения, в котором оказался герой из-за своего легкомыслия:

He sank down in a shabby miserable heap in the road, murmuring to himself in his despair, "It's all up! It's all over now! Chains and policemen again! Prison again! Dry bread and water again! Oh, what a fool I have been! What did I want to go strutting about the country for, singing conceited songs, and hailing people in broad day on the high road, instead of hiding till nightfall and slipping home quietly by back ways? O hapless Toad! O ill-fated animal!" [31, p. 155].

Внутренний монолог может использоваться и как способ осмысления отношений с другим человеком, отношений к его словам и поступкам. Например:

Upon the whole, she was equally contented with her view of his feelings.

"He is undoubtedly very much in love – every thing denotes it – very much in love indeed! – and when he comes again, if his affection continues, I must be on my guard not to encourage it. – It would be most inexcusable to do otherwise, as my own mind is quite made up. Not that I imagine he can think I have been encouraging him hitherto. No, if he had believed me at all to share his feelings, he would not have been so wretched. Could he have thought himself encouraged, his looks and language at parting would have been different. – Still, however, I must be on my guard [7, p. 199].

Этот внутренний монолог возник в сознании героини после расставания с предметом своих увлечений, т. е. после ситуации интерперсонального общения. Такое соотношение межличностного и интраперсонального общения типично для внутреннего монолога как сложной, развернутой во времени формы внутренней речи. Конечно, возможен и внутренний монолог по поводу непосредственно воспринимаемой чужой речи, но лишь после завершения этой речи, т. к. нельзя вести сложный процесс создания развернутого высказывания одновременно с ее восприятием. Сложные речевые реакции индивидуума на внешнюю речь (внутренний монолог или внутренний диалог) могут осуществляться лишь в том случае, если в разговоре возникает пауза – случайная или намеренная. Автор художественного произведения, как правило, акцентирует тот факт, что индивидууму требуется некоторое время, чтобы собраться с мыслями, т. е. произнести внутренний монолог, а потом озвучить результаты своей мыслительной деятельности. Например:

I listened to my father in silence, and retained for some time of offering any reply. I revolved rapidly in my mind a multitude of thoughts, and endeavoured to arrive at some conclusion. Alas! To me the idea of immediate union with my Elizabeth was one of horror and dismay. I was bound by a solemn promise, which I had not yet fulfilled and dared not break; or, if I did, what manifold

miseries might not impend over me and my devoted family! Could I enter into a festival with this deadly weight hanging round my neck and bowing me to the ground? I must perform my engagement and let the monster depart with his mate, ... My promise fulfilled, the monster would depart forever. Or (so my fond fancy imaged) some accident might meanwhile occur to destroy him and put an end to my slavery forever [73, p. 209].

Столь продолжительный внутренний монолог (две трети которого мы не приводим в данном фрагменте текста) вызван желанием отца героя обвенчать его со своей воспитанницей, девушкой, в которую молодой человек пылко влюблен уже многие годы. Смятение и даже отчаяние, звучащие в каждой фразе его внутреннего монолога, объясняются критическим положением, в которое персонаж сам себя поставил, создав ужасное чудовище – Франкенштейна, ставшее кошмаром всей его жизни.

Стоит подчеркнуть, что краткое простое реплицирование все-таки является более типичным случаем реакции индивидуума на непосредственно воспринимаемую чужую речь.

При описании внутреннего монолога как фрагмента художественного текста могут использоваться следующие критерии: степень контаминации субъектно-авторских перспектив, направление движения речемыслительной деятельности персонажа, субъектный диапазон, объем репродуцируемой внутренней речи.

В работе Р. Хамфри "Stream of Consciousness in the Modern Novel" выделяются два типа внутреннего монолога: прямой (*monologue interieur direct*) – с перспективой 1-го лица и косвенный (*monologue interieur indirect*) – с перспективой 3-го лица. Критерием подобного деления является степень субъективации авторского повествования [184].

В **косвенном внутреннем монологе** выражается преимущественно линия автора, основа его – авторская речь, пропущенная через призму сознания персонажа. В нем отчетливо проявляется контаминация голосов автора и персонажа, слияние их до такой степени, что, воспринимая мысли и чувства героя, мы ясно слышим интонацию автора. Косвенный внутренний монолог способствует интенсификации темпа повествования, дальнейшему развитию сюжета. Способом изображения косвенного внутреннего монолога в художественном тексте обычно служит несобственно-прямая речь; для него характерны местоимения 3-го лица единственного числа, а также план прошедшего времени. Например:

It was very big to think about everything and everywhere. Only God could do that. He tried to think what a big thought that must be but he could think only of God. God was God's name just as his name was Stephen. *Dieu* was the French for God and that was God's name too; and when anyone prayed to God and said *Dieu* then God knew at once that it was a French person that was praying. But though there were different names for God in all the different languages in the world and God understood what all people who prayed said in there different languages still God remained always the same God and God's real name was God.

It made him very tired to think that way. It made him feel his head very big [42, p. 16].

Нетрудно догадаться, что мысли Стивена Дедала, героя романа Дж. Джойса «Портрет художника в юности», являются, по сути, мыслями самого автора, поскольку жизненный путь писателя и его персонажа совпадает до мельчайших подробностей.

Однако далеко не все косвенные внутренние монологи отличаются столь тесным слиянием голосов автора и персонажа. В большинстве случаев мы отчетливо видим демаркационную линию между авторским повествованием и речью героя, хотя основная отличительная черта монологической речи этого типа – местоимения 3-го лица единственного числа – сохраняется на протяжении всего фрагмента текста. Например:

In Eleanor's presence friendship and pride had equally restrained her tears, but no sooner was she gone than they burst forth in torrents. Turned from the house, and in such a way! Without any reason that could justify, and apology that could atone for the abruptness, the rudeness, nay, the

insolence of it. Henry at a distance; not able even to bid him farewell. Every hope, every expectation from him suspended, at least, and who could say how long? Who could say when they might meet again? And all this by such a man as General Tilney: so polite, so well-bred, and heretofore so particularly fond of her! It was as incomprehensible as it was mortifying and grievous [6, p. 210].

Обилие эллиптических конструкций, восклицательных предложений, вопросов без ответа как нельзя лучше передает смятение чувств и обиду, испытываемую героиней, с которой обошлись весьма несправедливо.

В **прямом внутреннем монологе** практически отсутствует какое-либо проявление авторского плана повествования. Преобладание плана персонажа выражается, прежде всего, в выборе синтаксических конструкций и в лексическом наполнении внутреннего монолога. Для него характерны слова и конструкции разговорной речи: просторечные сокращения, фонетические компрессии, эмоциональные интенсификаторы, эмоционально окрашенная лексика, короткие предложения, обилие вопросительных и восклицательных конструкций, повторы, незаконченные, алогические высказывания. Отличительной морфологической особенностью прямого внутреннего монолога является употребление формы 1-го лица единственного числа для обозначения отправителя сообщения – персонажа. Например:

She was no sooner retired than she began to mutter to herself in the following pleasant strain: "Sure master might have made some difference, methinks, between me and the other servants. I suppose he hath left me mourning; but i'fackins! If that be all, the devil shall wear it for him, for me. I'd have his worship know I'm no beggar. I have saved five hundred pounds in his service, and after all to be used in this manner. It is a fine encouragement to servants to be honest; and to be sure, if I have taken a little now and then, others have taken ten times as much; and now we are all put in a lump together. If so be that it be so, the legacy may go to the devil with him that gave it. ... The devil shall wait upon such a gentleman for me." Much more of the like kind she muttered to herself; but this taste shall suffice to the reader [26, p. 180].

На основании информационной структуры внутреннего монолога, т. е. с точки зрения направления мыслительной деятельности персонажа, выделяются ретроспективный внутренний монолог (поток воспоминаний, передача автобиографических данных, социально-психологическая характеристика персонажа) и актуальный внутренний монолог (передача внутренней реакции персонажа, движущих сил его поведения, подтекста его поступков, взаимоотношений и т. д.).

Информационный центр **ретроспективного внутреннего монолога** обычно дается в индикативе с преобладанием форм Present Perfect, Past Indefinite, Past Perfect. Психологической основой ретроспективного внутреннего монолога являются ассоциативно скрепленные образы памяти, служащие способом подачи предыстории героев. Ретроспективный внутренний монолог может быть полным, содержащим большую дозу информации, и фрагментарным, сконцентрированным на каком-то одном эпизоде, одной эмоционально-психологической ситуации. Например:

As she walked, she reflected on what had passed. It was painful to her to disappoint and displease them, particularly to displease her brother; but she could not repent her resistance. Setting her own inclination apart, to have failed a second time in her engagement to Miss Tilney, to have retracted a promise voluntarily made only five minutes before, and on a false pretence too, must have been wrong. She hadn't been withstanding them on selfish principles alone, she had not consulted merely her own gratification; that *might* have been ensured in some degree by the excursion itself, by seeing Blaize Castle; no, she had attended to what was due to others, and to her own character in their opinion. Her conviction of being right, however, was not enough to restore her composure [6, p. 89].

Этот внутренний монолог молодой героини из романа Дж. Остин «Нортенгерское аббатство» практически сразу следует за внешней ситуацией, которая так скрупулезно пере-

дана в размышлениях девушки. Но поскольку внутренний монолог это не просто отчет о прошедших событиях, но их переосмысление, постольку мы приобщаемся и к чувствам героини, испытываемым ею по поводу недавней ситуации межличностного общения, а проще говоря, ссоры со своими друзьями, которым она предпочла общество других, более приятных людей.

Информационный центр *актуального внутреннего монолога* оформляется обычно глагольными формами Present Indefinite, Past Continuous, Past Indefinite в индикативе, поскольку чувства и мысли персонажа, порождающего актуальный внутренний монолог, так или иначе связаны с происходящим, с окружающей его действительностью. По этому признаку актуальный внутренний монолог функционально сближается с кратким простым реплицированием, которое также порождается неречевыми ситуациями, возникает в сознании индивидуума под влиянием внешних образов. Например:

In one corner of the room stood a small bedstead, and a few shattered chairs were placed round the walls. La Motte gazed with a mixture of wonder and curiosity. "'Tis strange," said he, "that these rooms, and these alone, should bear the marks of inhabitation. Perhaps some wretched wanderer like myself may have here sought refuge from a persecuting world, and here, perhaps, laid down the load of existence. Perhaps, too, I have followed his footsteps but to mingle my dust with his!" [65, p. 50].

Но было бы неверно толковать семантическую структуру актуального внутреннего монолога как простое описание увиденного, даже сопровождаемое соответствующими моменту размышлениями. Оценка ситуации, оценка себя и других в этой ситуации, построение соответствующего плана действий, какие-то общие суждения по поводу происходящего – вот далеко неполный перечень тем, входящих во внутренний монолог индивидуума.

В актуальные внутренние монологи могут также облекаться рассуждения, содержащие «выношенные», не раз обдуманые мысли, вроде тех, что занимают героя новеллы «Снега Килиманджаро», одной из лучших новелл в творчестве Э. Хемингуэя. Герой – умирающий от гангрены писатель Гарри – понимает, что погубил свой талант, потому что не смог отказаться от того богатства и комфорта, который щедро предлагало ему столь презируемое им общество. Он умирает, так и не найдя пути к настоящей литературе; смерть прерывает его рассуждения, оставляя нерешенными те вопросы, которые он поднимает в своем внутреннем монологе. Стоит еще раз подчеркнуть, что толчком для подобных внутренних монологов все равно служит некое внешнее обстоятельство, непосредственно воспринимаемое индивидуумом «здесь и сейчас». Эта моментальность восприятия является одной из отличительных черт актуального внутреннего монолога. Так, в рассматриваемом примере отправным пунктом размышлений героя служит звук выстрела, который ассоциируется у него с женщиной, его последней спутницей жизни, погубившей, как он считает вначале, его талант.

He heard a shot beyond the hill.

She shot very well this good, this rich bitch, this kindly caretaker and destroyer of his talent. Nonsense. He had destroyed his talent himself. Why should he blame this woman because she kept him well? He had destroyed his talent by not using it, by betrayals of himself and what he believed in, by drinking so much that he blunted the edge of his perceptions, by laziness, by sloth, and by snobbery, by pride and by prejudice, by hook and by crook. What was this? A catalogue of old books? What was his talent anyway? It was a talent all right but instead of using it, he had traded on it. It was never what he had done, but always what he could do. And he had chosen to make his living with something else instead of a pen or a pencil. ... We must all be cut out for what we do, he thought. However you make your living is where your talent lies. He had found that out but he would never write that, now, either. No, he would not write that, although it was well worth writing [52, p. 233–4].

Крайним случаем актуального внутреннего монолога, «пограничным» с галлюцинациями, автор считает так называемый *поток сознания* (*stream of consciousness*), который можно определить как прием повествовательной техники в литературно-художественном произведении, характеризующийся репродукцией объемных комплексов внутренней речи персонажа с целью психологической, социальной, морально-этической и других характеристик [90, с. 87]. Этот термин впервые появился в 1890 г. в работе У. Джеймса «Принципы психологии» и обозначал поток внутренних переживаний человека. К литературному отражению этого явления термин был применен много позже, в 1922 г., в критических статьях, посвященных роману Дж. Джойса «Улисс». Отметим, что Джойс не изобретал этот художественный прием, а позаимствовал его из романа французского писателя Э. Дюжардена "Les Lauriers sont coupés" (1887 г.), опубликованного на английском языке под заголовком "We'll to the Woods No More". Сам Дюжарден называл использованную им художественную форму внутренним монологом (*interior monologue*), что впоследствии привело к значительной путанице двух терминов: они употреблялись либо как абсолютные либо как гипо-гиперонимические синонимы, причем в разных работах родовое и видовое понятие закреплялось то за потоком сознания, то за внутренним монологом.

Мы считаем, что поток сознания и внутренний монолог суть разные явления, имеющие собственную содержательную специфику и языковое оформление. Поток сознания – это поток мысленных реакций, ассоциаций, галлюцинаций персонажа, отличающийся бессвязностью, неконгруэнтной лингвистической структурой, ослабленной валентностью синтаксических форм, разрывом временных и пространственных связей. Что касается внутреннего монолога, то при всей его естественности он всегда более или менее логичен, устремлен к какой-то цели в процессе передачи мыслей героя и движения его чувств. К тому же внутренние монологи обычно короче тех фрагментов художественного текста, где передается поток сознания персонажа.

Для нашего исследования принципиально важен тот факт, что поток сознания как таковой *не является* отдельной формой существования внутренней речи индивидуума наряду с внутренним монологом и внутренним диалогом, хотя большинство исследователей настойчиво включают его в данную классификацию. Это обусловлено, по нашему мнению, недостаточно четким пониманием связи между речевой деятельностью и мышлением (шире – языком и мышлением). Мышление есть интеллектуальная деятельность, процесс создания абстракций и оперирования ими в сознании индивидуума, язык, соответственно, является средством формирования мысли, а речь – средством осуществления мыслительного процесса индивидуума. Если же допустить, что мышление – любой познавательный процесс, включающий в себя и чувственные формы познания, то придется признать существование мыслей вне их словесного выражения, чего быть не может. Сущность же потока сознания состоит именно в том, что он является отражением, прежде всего, чувственно-наглядных образов действительности, а потом уже мыслительных актов индивидуума по их преобразованию (абстрагированию). Поток сознания объединяет, таким образом, два способа отражения действительности индивидуумом – чувственное отражение и нечувственное отражение (мышление). Язык в целом и внутренняя речь в частности связаны только с последним типом отражения. Любое стремление включить в мышление наглядные образы есть стирание грани между чувственным и рациональным, игнорирование двух качественно разных ступеней познания человеком окружающего мира (включая и его собственный внутренний мир). Внутренняя речь – монологическая либо диалогическая – входит в поток сознания лишь как один из его составных компонентов, перемежаясь с чувственными образами. Поэтому поток сознания не составляет отдельного объекта нашего исследования, рассматриваясь нами лишь как *частный случай* внутреннего монолога или внутреннего диалога или как контаминация того и другого.

М. М. Федорчук предлагает присоединить к двум вышеописанным типам внутреннего монолога **перспективный внутренний монолог** как подтип, обладающий собственными пространственно-временными характеристиками. Его информационный центр дается в косвенном наклонении (сослагательном, условном), что способствует созданию ирреальной, «мнимой» действительности. Психологическая основа перспективного внутреннего монолога – «опережающее отражение», проектирование предполагаемых либо несбыточных ситуаций, событий, действий [142].

В процессе перспективного внутреннего монолога в сознании персонажа могут возникать воображаемые ситуации, сценарии, по которым он хотел бы действовать, но не может в силу каких-то причин. Наряду с воображаемыми ситуациями перспективный внутренний монолог может быть использован автором для передачи вполне реальных стремлений персонажа. Он включает в себя мечты, проекты, планы на будущее, что достигается использованием видовременных форм Future Indefinite, Future-in-the-Past. Например:

Mosca: My Fox is out of his hole and ere he shall re-enter,
I'll make him languish in his borrow'd case,
Except he come to composition with me; ...
So, now I have the keys and am possessed.
Since he will needs be dead afore his time,
I'll bury him, or gain by him. I am his heir:
And so will keep me, till he share at least [41, p. 312].

Этот внутренний монолог, взятый из комедии Бена Джонсона «Вольпоне, или Лис», принадлежит слуге главного героя – хитрецу Моске, который, добившись того, чтобы его признали наследником Вольпоне, торжествует, но и дальше не собирается сидеть, сложа руки, о чем и сообщает зрителям (читателям).

В некоторых случаях все три темпоральные разновидности внутреннего монолога протекают в сознании индивидуума практически одновременно, поскольку, размышляя о прошлом, человек может тут же обдумывать и свое настоящее и строить планы на будущее. Например:

As she traveled silently along, her mind revolved the events of the past and meditated plans for the future. The present kindness of La Motte appeared so very different from his former conduct that it astonished and perplexed her, and she could only account for it by attributing it to one of those sudden impulses of humanity which sometimes operate even upon the most depraved hearts [65, p. 200].

С точки зрения субъектного диапазона выделяются **персональный внутренний монолог** (произносимый от первого лица единственного числа) и **коллективный внутренний монолог** (от первого лица множественного числа). Коллективный внутренний монолог обычно отражает не голос конкретного персонажа, а голоса изображаемой среды. Монологичность здесь основана на общности точек зрения какой-либо группы лиц. Например:

It was maddeningly frustrating. We possessed the great secret; we had warned the world. And yet in a fundamental sense, we were as ignorant as ever. Who were these creatures? Where did they come from? What was their ultimate aim? Were they really intelligent, or were they as unintelligent as the maggots in a piece of cheese? We asked ourselves these question often enough, and had arrived at a few tentative answers [81, p. 276].

Вследствие глобального масштаба обсуждаемых героем проблем речь в этом фрагменте внутреннего монолога ведется не только от его собственного лица, не только от лица группы ученых, но и от имени всего человечества, обозначенного местоимением we.

Персональный внутренний монолог отражает рефлексию индивидуума о собственном интеллектуальном и эмоциональном состоянии, о событиях своей прошлой жизни, перипетиях настоящего момента, планах на будущее и т. д. Даже включая в свои размышления какие-либо объекты окружающей действительности, индивидуум неизменно связывает их со своей личностью, трактует их как объекты своего внутреннего мира.

Персональные внутренние монологи могут быть и ретроспективными, и актуальными, и проспективными, что определяется исключительно их содержанием и функцией. В любом случае сохраняется такая строевая черта этого типа высказывания, как употребление местоимения 1-го лица единственного числа. Например:

As the wife, retained, triumphant, I can appeal to nobody, least of all to myself. Every way I lose. She has taken him from me, she has destroyed our married love, and I have no new life, only the dead form of the old life. They have acted rightly and just by this I am utterly brought low. My pain and my bitterness are sealed up inside me forever. I have no source of energy, no growth of being, to enable me to live this hateful role of the wife to whom they have together planned to sacrifice their great love. I am humbled by this to the pint of annihilation. Sooner or later Miles will begin to speak about it. He will speak kindly, gently, trying to make me feel that his love for me is something real. But I saw that thing, their love. Miles and I never loved so [58, p. 233].

Видовременные формы, встречающиеся в этом внутреннем монологе, соответствуют трем основным направлениям мыслей героини: перфект отражает источник ее нынешних страданий (измена мужа), простое настоящее время описывает ее состояние в момент речи, будущее время передает предполагаемые действия ее мужа, которые он может предпринять для исправления сложившейся ситуации.

В итоге можно еще раз подчеркнуть, что функции внутреннего монолога в жизнедеятельности индивидуума в чем-то сродни функциям простого внутреннего реплицирования, точнее, они являются усложненным вариантом функций последнего, поскольку и сам внутренний монолог есть сложная форма интраперсонального общения индивидуума. Обе эти формы внутренней речи выполняют, прежде всего, оценочную функцию, служат средством осмысления индивидуумом собственного поведения, отношений с другими людьми, их слов, поступков, внешности и пр. Но вследствие принципиально более сложной структуры внутренний монолог имеет и ряд специфических функций. Именно он является речевым воплощением планов и намерений индивидуума, а также наиболее подходящим способом фиксации результатов мыслительного процесса индивидуума.

Важно отметить, что «чистые» внутренние монологи в сознании индивидуума сравнительно редки, как редки они и в процессе его интерперсонального общения. Обычно мы имеем дело с разнообразными комбинациями внутреннего монолога и внутреннего диалога, о котором пойдет речь в следующем разделе данной главы.

1.3.3. Внутренний диалог

Наряду с внутренним монологом и кратким реплицированием существует еще одна форма протекания внутренней речи в сознании индивидуума – **внутренний диалог**, получающий в лингвистической литературе разную интерпретацию в зависимости от исходных позиций того или иного автора. В большинстве работ внутренний диалог рассматривается как дифференциальная модификация внутреннего монолога [57; 80; 137]. При этом наблюдается значительное разнообразие терминов, обозначающих данное языковое явление: фиктивный диалог, аутодиалог, диалогизированный монолог, Traumdialog, imaginaires Gespräch и т. д. Естественность этой формы интраперсонального общения не вызывает сомнений. Принципиальный спор возникает по поводу признания данного феномена именно диалогом. Опираясь на многочисленные определения диалога, с одной стороны, и проанализировав

фрагменты разговора индивидуума с самим собой, а также с отсутствующим или вымышленным собеседником, с другой стороны, мы пришли к выводу о том, что детальный анализ внутреннего диалога позволяет рассматривать его как особую самостоятельную форму существования внутренней речи, обладающую собственной структурой, семантикой и коммуникативной природой.

Внутренний диалог представляет собой последовательность диалогически взаимосвязанных высказываний, порождаемых индивидуумом и непосредственно воспринимаемых им в процессе интраперсонального общения.

Данные многочисленных психологических экспериментов однозначно указывают на то, что в процессе совместного решения мыслительных задач выделяются точно такие же фрагменты, как и при их индивидуальном решении. В результате анализа устной и письменной речи обнаружилось, что различие между речью одного человека и типичной беседой двух людей обусловлено чаще всего лишь акустическими особенностями голоса. Они практически неразличимы. Следовательно, вопрос о том, является ли внутренний диалог подлинным диалогом, не должен зависеть от его наиболее распространенного определения как разговора двух или нескольких лиц. Напротив, это определение диалога должно учитывать также существование внутреннего диалога как особой формы общения человека с самим собой. Признак «количество говорящих», таким образом, не может считаться абсолютно релевантным при различении монолога и диалога. Против него свидетельствует и наличие процессов монологизации и диалогизации речевого общения, в результате которых между «чистым» монологом и «чистым» диалогом возникают многочисленные промежуточные формы, например, «ложный диалог», образованный чередующимися монологами, или диалогизированный монолог, в ходе которого речь одного участника практически неотличима от общения двух людей.

В плане исследования внутреннего диалога как особой формы субъект-субъектного взаимодействия гипотеза о том, что диалогичность/монологичность не связана исключительно с количеством участвующих в общении, имеет принципиальное значение. Она позволяет предположить, что диалогичность определяется не наличием двух или нескольких реальных, фактических собеседников, а другим, более существенным моментом. Эта гипотеза, выдвинутая М. М. Бахтиным, была обоснована им в лингво-философских трудах «Проблемы поэтики Достоевского» и «Эстетика словесного творчества». В течение всей жизни Бахтин разрабатывал теорию диалога, стремясь охватить его лингвистические, философские и психологические аспекты. Но именно пристальное внимание к общению человека с самим собой, к внутреннему диалогу отличает ее от других теорий диалога.

Основу теории Бахтина составляет положение о диалогической природе сознания и самой человеческой жизни. Диалогические отношения, пишет он, «явление гораздо более широкое, чем отношения между репликами композиционно выраженного диалога, это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение» [21, с. 49]. Диалогические отношения – предмет металингвистики. Но в то же время их нельзя оторвать от области слова, т. е. от языка как конкретного целостного явления. Язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Диалогическое общение и есть, согласно М. М. Бахтину, подлинная сфера жизни человека.

М. М. Бахтин полагает, что диалогические отношения возможны не только между относительно целыми высказываниями, но диалогический подход возможен и к любой значащей части высказывания, даже к отдельному слову, если оно воспринимается не как безличное слово языка, а как представитель чужого высказывания, т. е. если мы слышим в нем чужой голос. Поэтому диалогические отношения могут проникать внутрь высказывания,

даже внутри отдельного слова, если в нем диалогически сталкиваются два голоса [Ibid. 211–214].

Такое слово автор называет двухголосым и включает его в свою «абстрактную классификацию языка» наряду с одноголосым и объектным словом. Двухголосое слово характеризуется установкой на чужое, равноценное слово, реакцией на него. Чужое слово может включаться в речь говорящего или воздействовать на нее извне. Тенденция к внутренней диалогизации приводит к распадению двухголосого слова на два слова. В результате обратной тенденции происходит полное слияние голосов и возникает одноголосое слово, «прямое, непосредственно направленное на свой предмет слово», имеющее единственный смысловой контекст. Таким образом, диалогические отношения возможны и к своему собственному высказыванию в целом, и к отдельным его частям, и к отдельному слову в нем, если мы как-то отделяем себя от них, говорим с внутренней оговоркой, занимаем дистанцию по отношению к ним, как бы ограничиваем или раздваиваем свое авторство. Но ослабление или разрушение монологического контекста происходит лишь тогда, когда сходятся два равно и прямо направленных на предмет высказывания. Два равно и прямо направленных на предмет слова не могут оказаться рядом в пределах одного контекста, не скрестившись диалогически, все равно, будут ли они друг друга подтверждать или взаимно дополнять, или, наоборот, друг другу противоречить, или находиться в каких-либо иных диалогических отношениях [Ibid. 219].

Диалогические отношения, по мнению М. М. Бахтина, глубоко своеобразны и не могут быть сведены ни к логическим, ни к психологическим, ни к лингвистическим, ни к механическим или каким-либо другим природным отношениям. Наиболее наглядным и простым видом диалогических отношений являются отношения между репликами реального диалога (житейская беседа, научная дискуссия, политический спор). Но диалогические отношения отнюдь не совпадают с отношениями между репликами реального диалога. Они гораздо шире, разнообразнее и сложнее. Два высказывания, отдаленные друг от друга и во времени и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т. д.). Нельзя понимать диалогические отношения упрощенно и односторонне, сводя их к противоречию, борьбе, спору, несогласию. Согласие – одна из важнейших форм диалогических отношений, богатое разновидностями и оттенками. Два высказывания, тождественные во всех отношениях, если это действительно два высказывания, принадлежащие разным голосам, а не одно, связаны диалогическими отношениями согласия [22, с. 331–332].

Диалогические отношения, таким образом, гораздо шире диалогической речи в узком смысле, поскольку и «внутри» внешне монологического речевого произведения могут существовать диалогические отношения. Это становится очевидным, если мы от понятий традиционного синтаксиса перейдем к категориям синтаксиса парадигматического. Сравнение монологической и диалогической форм речи, согласно теории уровневого членения сегментного состава языка, происходит на сегментном уровне языка, лежащем выше уровня предложения – на «супрапропозематическом» уровне. Именно на этом уровне мы рассматриваем монологические и диалогические последовательности предложений, которые различаются, прежде всего, коммуникативной направленностью их составляющих. «Монологическая последовательность однонаправлена, исходя от одного говорящего к его слушателю или слушателям. Диалогическая последовательность двунаправлена, ее компоненты, состоящие из одного или нескольких предложений, произносятся собеседниками по очереди, как бы навстречу друг другу» [31, с. 116]. Но внешняя форма представления связанной последовательности предложений в виде монолога или диалога не всегда является ее однозначной характеристикой. Только внутренняя характеристика речевой последовательности поз-

воляет отнести ее к диалогической либо монологической форме речи. В качестве такой характеристики рассматривается *тип синтаксической связи* между предложениями, которые объединяются в речевые последовательности средствами обширной языковой системы «надфразовых», т. е. сверхпредложенческих связей [33, с. 193]. Эта система связей выходит за рамки «внутреннего» синтаксиса, образуя «супрасинтаксис» – сверхпропозиционный синтаксис. Первичный этап деления связей на надфразовом уровне – разбиение их на две основные рубрики – встречающие (оккурсивные), соответствующие диалогической последовательности предложений, и присоединительные (кумулятивные), соответствующие монологической последовательности предложений [Ibid. 195]. Реплики диалога – отрезки речи говорящих, последовательно накапливаемые друг за другом в ходе развивающегося общения, объединяются в тематически-цельные диалогические единства – оккурсема. Оккурсема является непосредственно выделяемой, семантико-тематической целостной единицей диалогической речи, а простейшим ее типом служит элементарный диалог, состоящий из двух реплик – высказываний говорящих, непосредственно обращающихся друг к другу. Соответственно, единица монологической речи, представляющая собой группу предложений, называется кумулемой. При этом следует учесть, что диалогическое единство может быть выявлено не только в подлинной двусторонней коммуникации, но и в монологической речи, а кумулятивная связь, в свою очередь, выявляется не только в истинном монологе, но и в составе диалогической последовательности, где оба ряда высказываний соединяются в одно, обращенное к единому адресату [33, с. 5]. Сама встречающая направленность предложений диалога с точки зрения их внутренней структуры обеспечивается, во-первых, специальными личностными формами обращения к собеседнику (местоимения, формы глагола, синтаксические конструкции обращения), во-вторых, широкой синтаксической категорией коммуникативной установки, которая своими формами (специфические формы-стимулы к ответной речевой реакции и специфические формы-сигналы ответной речевой реакции) обслуживает диалогическое языковое общение [27, с. 196].

Признавая тот факт, что семантическая структура диалога является результатом речетворчества как минимум двух сторон, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом: кто (или что) является *вторым* участником речевого общения в процессе внутреннего диалога. Согласно теории так называемых «смысловых позиций», разработанной Г. М. Кучинским [93], внутри одного субъекта должны быть выделены такие образования, которые являлись бы взаимодействующими сторонами его аутокоммуникации и одновременно были бы сравнимы с субъектом по функциям, выполняемым в диалоге. Такие стороны во внутреннем диалоге субъекта – воспроизводимые им *смысловые позиции*, которых должно быть, по крайней мере, две. Под смысловой позицией понимается нечто, противостоящее личности в качестве предмета ее познавательной или иной активности. Смысловая позиция объединяет представление субъекта о предмете его непосредственной деятельности, о других предметах как потенциальных направлениях деятельности, представление субъекта о себе, своих целях, потребностях, интенциях, о других субъектах.

Поскольку речь всегда выражает смысловую позицию говорящего по поводу темы разговора, в наше исследование мы вводим термин *речевая позиция*. В процессе межличностного общения речевые позиции принадлежат различным индивидуумам, во внутреннем диалоге они выражаются одним и тем же индивидуумом. Психологической основой данного процесса является способность индивидуума воспроизводить чужую речь в собственной, а также реагировать на свою речь как на чужую. Умение диалогически воспроизводить чужую речь, включать ее в свой внутренний диалог является не просто механическим воспроизведением чужого текста, а пониманием и воспроизведением смысловых позиций, выраженных в речи других людей. Параллельно протекает и обратный процесс: процесс отчуждения некоторой части собственной речи, процесс развернутых речевых реакций на свою речь,

реакций аналогичных тем, которые выражаются при общении с другим человеком. Описанные выше способности и дают возможность индивидууму не только участвовать в диалоге, но и порождать его самостоятельно, в пределах своего сознания.

Следует отметить, что для этого вида общения характерна определенная редуцированность, свернутость речи. Сжатость и краткость высказываний достигается за счет максимального использования уже произнесенного текста, к которому и пристраиваются новые высказывания. Происходит постоянное обращение к другим высказываниям – предыдущим и последующим. В. С. Библер пишет по этому поводу: «Говорить нечто самому себе и спорить с самим собой – это не то, что спорить с другим... В разговоре с самим собою многое понятно без слов, о многом можно и нужно умолчать, бесконечная «линия» вывода заменяется «точкой», началом рассуждений... Продолжать – только время тратить» [26, с. 71].

Предельная сжатость речевых реакций в ходе внутреннего диалога объясняется своеобразной «прозрачностью», «проницаемостью» участвующих в нем речевых позиций друг для друга. Одна речевая позиция не может преднамеренно вводить в заблуждение другую, т. е. нельзя думать одно и, скрывая это, говорить себе другое. Так как человек сам строит свой внутренний диалог и участвует в нем, то все, что задумано и обрело речевую форму, становится известно всем речевым позициям, отражено в них. Человек не может сознательно сфальшивить во внутреннем диалоге. Он может вложить в уста «оппонента» нужные слова, но будет знать, что это его собственные слова. Человек может прекратить внутренний диалог, но будет знать, что сказано не все. Ведь каждой речевой позиции известно и то, что уже сказано, и то, что только задумано. Поэтому в интраперсональном общении нет недосказанного.

Важной особенностью внутреннего диалога как формы интраперсонального общения является тот факт, что все участвующие в нем речевые позиции (как минимум две) связаны друг с другом, включены в единую смысловую структуру. Все речевые позиции суть разные понимания одного и того же предмета, разные отношения к нему, представления о нем. Их взаимосвязь проявляется в их согласованности, взаимозависимости, т. е. речевые позиции личности никогда не будут автономны в пределах ее сознания, поскольку возникают в ходе единого речемыслительного процесса. Однако и самой личности неизвестен содержательный исход ее внутреннего диалога. Индивидуум не знает заранее, что в нем произойдет в следующий момент, какие возникнут новые вопросы, возражения, замечания, чем он завершится и на какой речевой позиции он останется в результате этого коммуникативного акта.

Таким образом, ***внутренний диалог представляет собой воспроизведение индивидуумом в собственной речи различных речевых позиций, определенным образом взаимодействующих между собой.*** Различные формы этого взаимодействия обуславливают разные типы внутреннего диалога, среди которых можно выделить с точки зрения формальной представленности реплик явный внутренний диалог и скрытый внутренний диалог.

Явный внутренний диалог предполагает, что в речи индивидуума прямо и непосредственно (т. е. в форме диалогических высказываний) выражены две или более речевые позиции. Он представляет собой не что иное, как последовательность порождаемых индивидуумом содержательно взаимосвязанных и диалогически соотнесенных высказываний, воспринимаемых только им и определенным образом на него влияющих. Явный внутренний диалог, полностью реализуемый в произносимой внутренней речи, может быть и озвученным (размышление вслух) и не озвученным. Например, в приведенном ниже фрагменте текста отчетливо различаются два голоса в сознании героини: тот, что подает исходную реплику, выражает ее нерешительность, страх перед будущей жизнью в огромном и враждебном мире, где неоткуда ждать помощи и поддержки. Другая речевая позиция принадлежит голосу более решительному, отражающему стремление героини найти выход из положения любой ценой. Структурно данный внутренний диалог представляет собой цепь вопросно-ответных

диалогических единств; на основании ответов героиня и принимает, в конце концов, нужное решение.

It was a chilly night; I covered my shoulders with a shawl, and then I proceeded to *think* again with all my might.

"What do I want? A new place, in a new house, amongst new faces, under new circumstances. I want this because it is of no use wanting anything better. How do people do to get a new place? They apply to friends, I suppose. I have no friends. There are many others who have no friends, who must look about for themselves and be their own helpers; and what is their resource?

I could not tell: nothing answered me. I then ordered my brain to find a response, and quickly. ... as I lay down it came quietly and naturally to my mind: "Those who want situations advertise: you must advertise in the – *shire Herald*".

"How? I know nothing about advertising."

Replies rose smooth and prompt now...

"You must enclose the advertisement and the money to pay for it under a cover directed to the editor of the *Herald*. You must put it into the post at Lowton. Answer must be addressed to J. E. at the post office there. You can go and inquire if any are come, and act accordingly."

This scheme I went over twice, thrice; it was then digested in my mind: I had it in a clear, practical form: I felt satisfied and fell asleep [12, p. 118].

Речевые позиции, участвующие в этом внутреннем диалоге, не были антагонистами: общая цель заставляла их искать наиболее подходящее для всех сторон решение. Поэтому в итоге внутреннего диалога, который мы можем назвать диалогом-согласием, героиня обрела спокойное, умиротворенное состояние и смогла заснуть.

Но если мы рассмотрим еще один внутренний диалог того же персонажа, мы увидим, что речевые позиции, участвующие в нем, находятся в жестком конфликте друг с другом. О подобной ситуации говорят, что человек буквально «разрывается на части», будучи не в силах принять однозначного решения.

Some time in the afternoon I raised my head, and looking round and seeing the western sun gilding the sign of its decline on the wall, I asked, "What am I to do?"

But the answer my mind gave – "Leave Thornfield at once" – was so prompt, so dread, that I stopped my ears. I said I could not bear such words now. "That I am not Edward Rochester's wife is the least part of my woe," I alleged; "that I have awakened out of most glorious dreams, and found them all void and vain, is a horror I could bear and master; but that I must leave him decidedly, instantly, entirely, is intolerable. I cannot do it".

But, then a voice within me averred that I could do it, and foretold that I should do it. I wrestled with my own resolution: I wanted to be weak that I might avoid the awful passage of further suffering I saw laid out for me; and Conscience, turned tyrant, held Passion by the throat, told her she had yet but dipped her dainty feet in the slough, and swore that with that arm of iron he would thrust her down to unsounded depths of agony.

"Let me be torn away, then!" I cried. "Let another help me!"

"No; you should tear yourself away, none shall help you: you shall yourself pluck out your right eye; yourself cut off your right hand: your heart shall be the victim, and you the priest to transfix it."

I rose up suddenly, terror-struck at the silence which so awful a voice filled [Ibid. 325].

Автор четко указывает в данном фрагменте текста, кому принадлежат голоса, звучащие в сознании героини. Сама же она ассоциирует себя исключительно с той речевой позицией, которая воплощает ее любовь к мистеру Рочестеру (Passion), и пытается противостоять голосу рассудка (Conscience), настаивающему на немедленной разлуке с любимым. Эта речевая позиция настолько чужда героине, что воспринимается ей как совершенно обособленный голос, который пугает ее как некое ужасное существо.

Скрытый внутренний диалог есть такой акт интраперсонального общения, в котором одна речевая позиция выражена в произносимой внутренней речи, а другая – в представленной. В художественных произведениях (по которым мы только и можем судить об этой форме интраперсонального общения) реплики, отражающие вторую речевую позицию, частично или полностью пропущены, но могут быть легко восстановлены по особенностям наличных реплик. Такие внутренние диалоги типичны в ситуациях принятия решения, а также в процессе творчества. Следует отметить, что в художественных произведениях мы в основном встречаем именно этот тип внутреннего диалога, с частично скрытыми репликами, поскольку авторы в большинстве своем не считают нужным (или возможным) расписывать этот акт интраперсонального общения по голосам. Например, следующие фрагменты текста, взятые из романа О. Хаксли «Желтый Кром», представляют собой репрезентацию «мук творчества» героя – молодого поэта, размышления которого оформлены в виде ауто-диалога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.